

Флеминг Ян

Достояние леди

Для начала июня день выдался из ряда вон жарким. Джеймс Бонд отложил темно-серый мелковый карандаш, предназначенный для оформления указателей местонахождения Секции 00, и сбросил пиджак. Повесить его на спинку стула, а тем более на вешалку, которую за свой счет приобрела Мэри Гуднайт (ох уж эти женщины!) и поместила на зеленой двери «предбанника» его кабинета, ему и в голову не пришло. Он просто сбросил пиджак на пол. Зачем он ему сейчас, отутюженный и без единого пятнышка?

Повсюду царила тишина. Входящая и исходящая переписка — сплошная рутина. Ежедневные совершенно секретные сводки — «треп», не говоря уже о газетах, вызывали зевоту. Правда, газеты для читателей наскребали кое-какую информашку о семейных скандалах и разных дурных новостях — единственных новостях, привлекающих к себе внимание, будь то достоверные данные или же слухи, цена которым — копейка.

Бонд ненавидел такие периоды безделья. Его глаза едва скользили по страницам сногшибательной диссертации Центра научных исследований о применении русскими цианистого газа, распыляемого из самых дешевеньких детских водяных пистолетиков, но убивающего мгновенно при попадании на лицо. Применять газ рекомендовалось к лицам старше 25 лет во время их подъема по лестнице или крутому склону т. е. в тех случаях, когда возможен диагноз «внезапная остановка сердца».

Резкий зуммер красного телефона был настолько внезапным, что рука витавшего в облаках Джеймса Бонда непроизвольно потянулась к левой подмышке. При втором зуммере Бонд поднял трубку.

— Вы, сэр?

— Да, сэр.

Он поднялся со стула и надел пиджак, мозг начал работать. Все равно что из подворотни — и вдруг во дворец. Проходя «предбанник», едва удержался, чтобы не пощекотать за аппетитную шейку Мэри Гуднайт. Бросив ей, что вызывает сам М. Бонд вышел в устланный коврами коридор и через соседнюю Секцию обеспечения связи, как всегда безмолвную со своими точками и тире, долетел до лифта и поднялся на девятый этаж.

Выражение лица мисс Манипенни не говорило ни о чем. Обычно, когда она была в курсе происходившего, на нем можно было прочесть любопытство, возбуждение, а в случае временных неудач Бонда ободрение или даже возмущение. Сегодня же ее приветственная улыбка выражала незаинтересованность. Бонд сделал однозначный вывод, что работа предстояла незамысловатая, скучная, и соответственно настроил себя, открывая дверь в судьбоносный кабинет своего шефа, скрывающегося под инициалом «М».

В кабинете находился кто-то явно посторонний — но кто? Он сидел слева от М. и при появлении Бонда лишь бросил на него быстрый взгляд, когда тот занял свое обычное место напротив отделанного краской кожей бюро.

М. чопорно провозгласил:

— Доктор Фэнш, я полагаю, вам не приходилось встречаться раньше с командером Бондом из моего Управления исследований.

К такого рода представлениям третьим лицам Джеймсу Бонду было не привыкать. Он встал, вытянулся и протянул руку. Доктор Фэнш тоже поднялся, едва дотронулся до протянутой руки и, как будто прикоснулся к какому-то чудовищу, поспешил снова сесть. Доктору оказалось достаточно мельком бросить взгляд на

Бонда, чтобы увидеть в нем нечто большее, чем просто силуэт. Можно было предположить, что доктор обладал способностью анализировать происходящее за тысячные доли секунды. Очевидно, он эксперт в какой-либо отрасли и интересуется лишь фактами, предметами, теорией, но никак не людьми. Бонду хотелось, чтобы М. ввел его вкратце в суть дела без этого плутовского, в чем-то детского, желания удивить — нечего тянуть кота за хвост. Однако, вспомнив, как он сам маялся от безделья минут десять назад, и поставив себя на место М., Бонд сообразил, что шеф тоже мог изнывать и от июньской жары, и от угнетающего бездействия. Сейчас же, удовлетворенный возможностью развеяться благодаря поистине свалившемуся с небес делу, пусть и не крупному, решил выжать из него максимум приятного.

Посетитель был средних лет, упитан, розовощек, щегольски одет почти в стиле эпохи короля Эдуарда — темно-голубой пиджак на четырех пуговицах с завернутыми манжетами, жемчужная булавка в тяжелом шелковом галстуке, безукоризненный воротничок, запонки, возможно, изготовленные из старых монет, пенсне на толстой черной ленточке. В общем, сделал вывод Бонд, человек из околосредственной богемы, возможно — критик или бакалавр, не исключено, с гомосексуальными наклонностями.

М. заявил:

— Доктор Фэнш — известный авторитет в области старинных драгоценностей. Он является также, конфиденциально конечно, советником Королевской таможенной службы и Управления криминальных расследований. Если конкретно, ко мне его направили наши коллеги из MI-5. Дело касается нашей мисс Фройденштейн.

У Бонда приподнялись брови. Мария Фройденштейн являлась секретным агентом советского КГБ, проникшим в самое сердце секретной службы. Она работала в Управлении связи в специально созданном для нее изолированном направлении, где использовался исключительно «Пурпурный шифровальный код», также разработанный специально для нее. В обязанности мисс Фройденштейн входили зашифровка по коду и направление шесть раз в день значительных по объему сообщений секретной службы в ЦРУ в Вашингтоне. Эти материалы фабриковались в секции 100, отвечающей за работу с двойными агентами, и представляли собой гениальную смесь правдивых фактов, малоценных секретных сведений и время от времени серьезной дезинформации. Когда Марию Фройденштейн принимали на работу в Службу, уже было выявлено, что она является советским агентом. Ей создали благоприятные условия для похищения ключей к «Пурпурному шифровальному коду», чтобы дать возможность русским получить полный доступ к этим секретным сообщениям — перехватывать и расшифровывать их — и таким образом доводить до них фальшивую информацию. Операция рассматривалась как особо секретная, ее проводили с чрезвычайной осторожностью, и вот уже целых три года она постепенно претворялась в жизнь. То, что Мария Фройденштейн могла подслушивать разговоры в столовой штаб-квартиры секретной службы, учитывалось на этот риск вынуждены были пойти; зато ее малопривлекательная внешность исключала возможность интимных знакомств в разведывательных целях.

М. повернулся к доктору Фэнш:

— Может быть, доктор, вы сооблаговолите объяснить командеру Бонду, о чем идет речь.

— Конечно, конечно. — Доктор Фэнш бросил быстрый взгляд на Бонда и отвел глаза, уставившись на свои ботинки. — Видите ли, дело в том, что, э... командер... Без сомнения, вы слышали имя Фаберже. Знаменитый русский ювелир.

— Да. Помнится, он делал бесподобные пасхальные яйца для царя и царицы до революции.

— Верно. Это лишь одна область его творчества. Он создал много других изящных вещей — произведений благородного искусства. Сейчас на аукционах за

некоторые его подделки предлагают поистине баснословные цены — 50 тысяч фунтов стерлингов и больше. И вот недавно в Англию доставлено лучшее его творение — так называемая «Изумрудная сфера», бесподобное произведение искусства, о котором до сих пор было известно лишь со слов самого великого кудесника. Это сокровище направлено посылкой с объявленной ценностью из Парижа и адресовано известной вам женщине, мисс Марии Фройденстайн.

— Приятный небольшой подарок. Могу я спросить, каким образом вам стало известно об этом, доктор?

— Я, как ваш начальник разъяснил вам, являюсь советником Королевского таможенного и акцизного управления по вопросам, относящимся к старинным драгоценностям и прочим подобным произведениям искусства. Объявленная ценность посылки — 100 тысяч фунтов стерлингов. Это не рядовой случай. Вы, может быть, знаете, существуют методы вскрытия таких посылок тайно. Она была вскрыта, естественно, по ордеру Министерства внутренних дел, и меня вызвали изучить содержимое и дать оценку. Я сразу же узнал «Изумрудную сферу» по ее описанию и рисунку в проведенном мистером Кеннетом Сноумэном исследовании, посвященном Фаберже. Я заявил, что объявленная ценность, возможно, занижена. Однако особое внимание я обратил на сопроводительный документ, в котором на русском и французском языках объяснялось происхождение этого ценного предмета, — доктор Фэнш показал на лежащую перед М. фотографию с изображенной на ней, по-видимому, краткой семейной родословной, выполненной в виде генеалогического древа. — Эту копию я сделал сам. Вкратце, в документе говорится о том, что «Сфера» была приобретена дедом Марии Фройденстайн непосредственно у Фаберже в 1917 году — без сомнения, ради вложения рублей во что-либо ценное и легко переносимое. После его смерти в 1918 году она перешла по наследству к его брату, а в 1950 году — матери мисс Фройденстайн. Как представляется, мать покинула Россию еще ребенком и воспитывалась в кругах белой русской эмиграции в Париже. Она никогда не была замужем, и ее дочь Мария — незаконнорожденная. Похоже, что она в прошлом году умерла и кто-то из ее друзей или душеприказчик, бумага не подписана, направляет теперь «Сферу» ее полноправной владелице — мисс Марии Фройденстайн. Причин задавать вопросы этой девушке не было, хотя, сами понимаете, дело задело меня за живое. И вот в прошлом месяце аукционная фирма «Сотбис» объявила, что выставляет на торги предмет, обозначенный как «Достояние леди». Аукцион состоится через неделю. Выступая от имени Британского музея и, э... других заинтересованных сторон, я осторожно навел справки и встретился с леди, которая с поразительным хладнокровием подтвердила довольно неправдоподобную историю о происхождении сокровища. Я выяснил, что она работает в Министерстве обороны, и вот тогда-то мне в голову закралось подозрение, что это по меньшей мере странно, когда младший клерк, имеющий, возможно, доступ к засекреченным материалам, внезапно получает подарок из-за рубежа стоимостью 100 тысяч фунтов стерлингов и даже больше. Я сообщил обо всем этом высокопоставленному сотруднику MI-5, с которым поддерживаю контакт по работе в Таможенном управлении Ее Величества, и меня направили в ваше, э... учреждение, — доктор Фэнш развел руками и опять бросил на Бонда быстрый взгляд. — Вот и все, командер, что я вам могу сообщить.

М. счел нужным вмешаться:

— Благодарю вас, доктор. Еще один-два последних вопроса, и я больше не задержу вас. Исследовав эту изумрудную вещицу, считаете ли вы ее подлинной?

Доктор Фэнш прекратил рассматривать свои ботинки. Он поднял глаза и, упершись взглядом в точку, находящуюся чуть выше левого плеча М., заявил:

— Разумеется. Не только я, но и мистер Сноумэн, представитель фирмы «Вартски», объединяющей крупнейших дилеров и экспертов по работам Фаберже в

мире. Несомненно, это исчезнувший шедевр Карла Фаберже, единственный рисунок которого выполнен самим автором.

— А что эксперты думают о судьбе шедевра?

— Почти все изделия Фаберже приобретались в частном порядке. Мисс Фройденштейн сообщает, что ее дед был необыкновенно богатым человеком до революции, владельцем фарфоровых заводов. Девяносто девять процентов работ Фаберже так или иначе оказалось за границей. В Кремле оставили лишь несколько его творений. Просто в качестве примера дореволюционных предметов роскоши в России. Официальной точкой зрения Советов всегда было, что это всего-навсего капиталистические побрякушки. Официально их презирают, как, впрочем, и свою восхитительную коллекцию французских импрессионистов.

— То есть у Советов по-прежнему находятся некоторые работы Фаберже? Возможно ли, что долгие годы эта изумрудная вещица пролежала где-нибудь в кремлевских запасниках?

— Вполне. Сокровища Кремля огромны, и кому известно, что они там еще прячут. Совсем недавно они выставили на обозрение лишь то, что сочли нужным выставить.

М. раскуривал трубку. Его глаза смотрели сквозь клубы дыма доброжелательно и, казалось, почти незаинтересованно:

— Скажите, нет ли оснований сделать предположение, что этот изумрудный шарик был выужен из запасников Кремля, снабжен сфабрикованными сопроводительными документами, чтобы легализовать право владения им, и переправлен за границу в качестве награды за оказанные услуги кому-либо из больших друзей России?

— Разумеется, есть. Это был бы гениальный способ выплаты крупного вознаграждения без перевода значительных сумм на его или ее банковский счет.

— Однако окончательная величина вознаграждения в денежном выражении будет, конечно, зависеть от суммы, полученной при реализации предмета, например, от аукционной цены?

— Именно так.

— И какова, по вашим прогнозам, будет выручка за предмет на аукционе «Сотбис»?

— Точную цифру спрогнозировать невозможно. Фирма «Вартски» наверняка предложит очень высокую цену. Конечно, они никогда и никому не сообщат, какую именно — не важно, для себя они будут ее покупать или же выступать от имени заказчика. Многое зависит от того, насколько высоко их вынудит поднять цену основной соперник на аукционе. В любом случае, по моему мнению, сумма составит не менее 100 тысяч фунтов стерлингов.

— Гм, — уголки губ М. опустились. — Дороговатый кусочек драгоценностей.

Доктор Фэнш пришел в замешательство от такого откровенно мещанского подхода М. к произведениям искусства. Он взглянул М. прямо в лицо.

— Уважаемый сэр, — запротестовал он, — в таком случае вы и украденную картину Гойи, проданную на аукционе «Сотбис» за 140 тысяч фунтов стерлингов и помещенную в Национальной галерее, считаете лишь, как вы выражаетесь, дороговатым кусочком холста и краски?

М. умиротворяющим тоном произнес:

— Простите меня, доктор Фэнш. Я неуклюже выразился. У меня всегда не хватало свободного времени, чтобы позволить себе интересоваться произведениями искусства, и моего должностного оклада морского офицера явно недостаточно для их покупки. Меня лишь приводят в смятение нынешние бешеные цены на аукционах.

— Ваше право иметь свое мнение, сэр, — сухо бросил доктор Фэнш.

Бонд решил, что настало время прийти М. на выручку. Он хотел также

побыстрее выпроводить доктора из кабинета, чтобы заняться профессиональными аспектами этого необычного дела. Поэтому он обратился к М.:

— Полагаю, сэр, что в дополнительных сведениях я не нуждаюсь. Несомненно, все разъясняется самым простым образом (это уж точно!) и сводится к тому, что одной из наших сотрудниц очень сильно подфартило. Однако со стороны доктора Фэнша было очень мило взять на себя такой труд и сообщить обо всем нам, — он повернулся к доктору. — Угодно ли вам, чтобы я вызвал нашу машину для персонала и она отвезла вас, куда вы пожелаете?

— Нет, что вы, благодарю. Большое спасибо. Я с удовольствием пройду через парк.

Были произнесены слова прощания, пожаты друг другу руки и Бонд проводил доктора к выходу. К тому времени, как он вернулся в кабинет, М. уже успел вынуть из выдвинутого ящика пухлую лапку с красной звездой на обложке, что означало совершенно секретный характер материалов, и погрузиться в ее содержимое. Бонд снова занял свое место и стал терпеливо ждать. В кабинете царила тишина, если не считать шуршания страниц дела. Но и оно прекратилось, когда М. отыскал в своей картотеке одну из синих карточек, которые пестрили конфиденциальными сообщениями о персонале, и тщательно изучил ее.

Наконец М. сунул карточку в файл и поднял свои голубые глаза, светившиеся неподдельным интересом:

— Да, — протянул он, — все сходится. Девушка родилась в 1935 году в Париже. Мать — активная участница Сопротивления во время войны, помогала партизанам в организации подпольной сети и переправке с оккупированной территории наших людей. После войны Мария поступила в Сорбонну, а затем устроилась на работу переводчицей а военно-морском отделе посольства. Остальное вам известно. Из-за некоторых сексуальных излишеств она была скомпрометирована старыми друзьями матери по Сопротивлению, которые к тому времени уже работали на НКВД, и с тех пор находилась в разработке. Без сомнения, по подсказке, она подала заявление с просьбой разрешить ей британское подданство. Благоприятные отзывы из посольства и заслуги матери во время войны помогли Марии в 1959 году получить его. Форин-оффис рекомендовал нам ее самым лестным образом. Именно в этот момент она совершила грубейшую ошибку — попросила перед поступлением к нам на работу предоставить ей годовой отпуск. Через агентурную сеть Хатгинсона удалось установить, что этот год она обучалась в Ленинграде в шпионской школе. Предположительно, там она получила обычную разведывательную подготовку, и нам пришлось поломать голову, как с ней поступить дальше. Наконец, Секция 100 придумала операцию с «Пурпурным шифровальным кодом». Уже три года, как она работает в штаб-квартире нашей службы на КГБ, и теперь вот получает вознаграждение — этот изумрудный шарик стоимостью 100 тысяч фунтов стерлингов. Данный факт интересен с двух точек зрения. Во-первых, он означает, что КГБ полностью заглотил наживку в виде «Пурпурного шифра», иначе не выплатил бы такой баснословной суммы. Что ж, это неплохая новость. Значит, мы можем усложнить передаваемый материал, включить в него кое-какую дезинформацию третьей степени и даже второй. Во-вторых, он объясняет то, что мы никак не могли понять — девушка не получала за работу никаких денег. Это нас тревожило. На ее счет в банке «Глин, Миллз» поступала только ежемесячная зарплата в 50 фунтов стерлингов, и она жила исключительно на эти деньги. Теперь, благодаря присланной ей побрякушке, она оптом получит за все время. Так что все в порядке.

М. потянулся к пепельнице из двенадцатидюймовой раковины и с видом хорошо поработавшего человека выбил в нее пепел из трубки. Из-за желания закурить сигарету Бонд не переставал ерзать на своем стуле, но о том, чтобы попросить разрешение, не могло быть и речи. А как все-таки он нуждался в сигарете, чтобы

собраться с мыслями! Он чувствовал, что не все четко вписывается в предложенную М. схему, в особенности один важный момент. Он вкрадчиво спросил:

— Удалось ли нам за все это время засечь ее контакт с местной резидентурой, сэр? Каким образом она получает инструкции?

— А она в них не нуждается, — убежденно заявил М., занимаясь своей трубкой, — Как только она получила доступ к «Пурпурному коду», все, что от нее требовалось — удержаться на занимаемой должности. Подумайте сами, шесть раз в день она им на блюдечке подносит секретную информацию. Какие еще инструкции ей давать? Я даже сомневаюсь, подозревают ли сотрудники резидентуры КГБ в Лондоне о ее существовании, возможно, только резидент и знает о ней. Но, как вам известно, мы даже не вычислили, кто он такой. Раскройте мне на него глаза.

У Бонда внезапно возникла блестящая идея, как будто кинокамера начала прокручивать в голове пленку и на экране появились четкие кадры. Стараясь оставаться спокойным, он небрежно заметил:

— Я не исключаю, что эта история с аукционом «Сотсби» выведет нас на резидента.

— О чем вы толкуете, 007? Объясните.

— Сэр, — глаза Бонда излучали уверенность и спокойствие, — вы помните, как доктор Фэнш упомянул об основном сопернике специалистов из фирмы «Вартски» на аукционе, который вынудит их предложить самую высокую цену. Если, как утверждает доктор Фэнш, русских не очень волнует, что из себя представляют работы Фаберже, они вряд ли осознают их реальную ценность. Во всяком случае, сомнительно, чтобы КГБ разбирался в таких делах. Ребята из этой конторы могут предполагать стоимость отдельных элементов «Сферы», скажем, десять-двенадцать тысяч фунтов стерлингов за изумруд. Такой размер суммы больше напоминает вознаграждение, чем то состояние, которое ожидает девицу, если верить словам доктора Фэнша. Итак, если резидент является единственным человеком, которому известно о мисс Мария Фройденштейн, только он один будет осведомлен о том, что ей пришла посылка. Именно он будет соперником на торгах, ему прикажут явиться на аукцион «Сотсби» и поднять цену выше крыши. Я в этом убежден. Поэтому мы сможем выявить его и получим достаточно оснований для высылки его из страны. Он даже не поймет, где допустил прокол, да и КГБ не поймет. Если мне будет позволено появиться на торгах, я сумею установить его. Целесообразно все происходящее в аукционном зале записать на кинопленку и на магнитофон. С полученными материалами мы вынудим Форин-оффис объявить его персоной нон грата с предложением выехать из Англии в течение недели. А ведь резиденты не растут на деревьях, могут потребоваться месяцы, прежде чем КГБ подыщет подходящую кандидатуру для замены.

— Возможно, что-то здесь есть, — сказал М. в раздумье. Он крутнулся на стуле и стал рассматривать в окне силуэты лондонских зданий. Наконец, повернув в сторону Бонда только голову, добавил:

— Хорошо, 007. Доложите начальнику Штаба и запускайте машину в ход. Я со своей стороны улажу все вопросы со службой безопасности. Хотя это и их вотчина, но птичка все-таки наша. Думаю, недоразумений не возникнет. Однако не увлекайтесь, не вздумайте сами торговаться из-за этого дерьма.

— Не буду, сэр, — ответил, вставая, Бонд и быстро вышел из кабинета. Он считал, что сделал разумное предложение и стремился доказать это. К тому же М. мог передумать.

Передний фасад здания на Риджент-стрит, 138, который занимала фирма «Вартски», был скромным и в то же время ультрасовременным. На витрине — лишь несколько современных и старинных драгоценностей, поэтому трудно было представить, что фирма является крупнейшим дилером в мире,

специализирующимся в области работ Фаберже. В убранстве интерьера — серый ковер, отделанные деревом стены, непритязательные коробки из витринного стекла — ничто не напоминало о роскоши Бушерона, Квартала или Ван Клифа, однако ряд грамот от королевы Марии, королевы-матери, самой королевы, короля Греции Поля и короля Дании Фредерика IX давали основания полагать, что эта фирма по продаже драгоценностей не такая уж и простая.

Джеймс Бонд справился, где он может найти мистера Кеннета Сноумэна. От сидевшей в глубине помещения группы людей отделился хорошо одетый приятный мужчина лет сорока и представился. Бонд вежливо заявил:

— Я из Департамента криминальных расследований. Хотел бы побеседовать с вами. Если желаете, можете проверить мои документы. Меня зовут Джеймс Бонд. Но для этого вам придется выйти непосредственно на сэра Рональда Валленса или на его заместителя. Дело в том, что я работаю не в самом Скотланд-Ярде, а выполняю, скажем так, обязанности офицера связи.

Казалось, умные наблюдательные глаза подошедшего мужчины даже не остановились на Бонде. Он улыбнулся:

— Проходите. У нас сейчас встреча с американскими друзьями из фирмы «Старая Россия» с Пятой авеню. Обычный обмен мнениями.

— Знаю это место, — улыбнулся в ответ Бонд. — Магазин забит дорогими иконами и всякой всячиной. По-моему, расположен неподалеку от фирмы «Пьера».

— Верно, — мистер Сноумэн, казалось, уверился в посетителе еще больше. Он провел Бонда вниз по узкой, устланной коврами лестнице в сверкающий зал, где, по-видимому, и выставлялись главные сокровища фирмы. Внутри стоящих вдоль стен витрин мерцали в лучах искусственного света золотые изделия, бриллианты, ограненные драгоценные камки.

— Присаживайтесь. Хотите сигарету?

Бонд в ответ вытащил свои:

— Речь идет о выставляемой на завтрашних торгах в «Сотбисе» «Изумрудной сфере» Фаберже.

— А... да, — брови мистера Сноумэна тревожно и вопрошающе приподнялись. — Надеюсь, ничего неприятного не случилось?

— С вашей точки зрения, ничего. Но мы очень интересуемся самим фактом продажи. Нам известна владелица «Сферы», мисс Фройденстайн. Мы полагаем, что на аукционе будет сделана попытка искусственно поднять цену. Исходя из того, что завтра ваша фирма намерена, так сказать, оставить поле боя за собой, мы хотели бы узнать о вашем главном сопернике.

— Да, э... хорошо, — размышляя, насколько он может быть откровенным, проговорил мистер Сноумэн. — Мы, конечно, намерены поторговаться за нее. «Сфера» пойдет за баснословные деньги. Только между нами, мы полагаем, что в торгах примут участие музей «Виктория и Альберт» и, возможно, музей «Метрополитен». А вы что, преследуете кого-нибудь из жуликов? Если так, то вам не о чем беспокоиться. На такого рода аферы они не способны.

— Нет, речь идет не о жуликах, — Бонд также прикидывал, насколько откровенным он может быть с собеседником. Ведь если люди очень тщательно оберегают секреты своего бизнеса, это еще не значит, что они так же будут откоситься и к вашим. Он взял со стола деревянную табличку, отделанную слоновой костью, и прочитал:

«Покупая, купец ни в грош не ставит товар.
Но как же он хвалит его, стремясь получить навар.»

Бонду понравилось:

— За этим изречением — весь базар, все нюансы взаимоотношений между продавцом и покупателем, — он взглянул мистеру Сноумэну прямо в глаза. — Мне в этом деле потребуется такой же нюх, такая же интуиция. Поможете ли вы мне?

— Без сомнения. Но скажите, о какой конкретно помощи идет речь? Сноумэн повел рукой. — Если вы опасаетесь за свои секреты, то прошу вас, не тревожьтесь. Ювелиры к ним привычны. В этом плане Скотланд-Ярд претензий к нам не имеет. Бог знает, сколько раз мы с ним имели дело за эти годы.

— А если я сообщу вам, что я из Министерства обороны?

— То же самое. Вы полностью можете положиться на меня.

Бонд решил:

— Договорились. Естественно, все это подпадает под официальный акт о соблюдении секретности. Мы подозреваем, что основным соперником, по всей вероятности вашим, будет советский шпион. Моя задача заключается в том, чтобы установить его личность. Больше, боюсь, сказать вам ничего не могу. Да вам больше знать ничего и не требуется. Все, что я хотел бы — это с вами вместе прийти завтра вечером на аукцион, где вы помогли бы выявить человека, о котором идет речь. Конечно, медали вам за это не повесят, но мы были бы вам очень благодарны.

Мистер Сноумэн загорелся энтузиазмом:

— Будьте уверены, с удовольствием берусь помочь вам. Однако, — он озадаченно покачал головой, — все это будет не так просто сделать. Глаза фирмы «Сотбис» Питер Вильсон, который будет вести торги, единственный человек, который может наверняка назвать лиц, выступающих на аукционе. Это в том случае, если они пожелают остаться неизвестными. Существуют десятки способов предлагать во время аукционных торгов цены, ничем не проявляя себя, если покупатель оговорит заранее с Питером Вильсоном свои действия, свой код, выражаясь профессионально. Питеру и во сне не может присниться, чтобы он раскрыл кому-либо этот код. Вся игра покупателя пойдет насмарку, если станет известна предельная сумма, на которую он готов пойти. Поэтому в аукционных кругах, как вы понимаете, это главный секрет.

А если со мной явитесь вы, его будут соблюдать в тысячу раз надежнее. Тон на торгах, вероятно, буду задавать я. Мне уже известен допустимый предел — между прочим, я буду работать на клиента — но для меня все будет гораздо проще, если узнаю заранее, насколько далеко может позволить себе пойти мой соперник. То, что вы сообщили, уже большая услуга. Я предупрежу своего человека в аукционном зале. Если у вашего шпиона крепкие нервы, он действительно может заставить меня поднять цену до потолка. Конечно, в зале будут и другие покупатели. Да... вечерок предстоит занимательный. Аукцион будет транслироваться по телевидению, и для всех этих приглашенных миллионеров, герцогов и герцогинь пройдет в виде гада-представления, которые «Сотбис» умеет устраивать, уж поверьте мне. Разумеется, замечательная реклама. Боже милостивый, если бы они пронюхали, что в аукционе замешаны рыцари плаща и кинжала, что бы там поднялось!.. Итак, шутки в сторону. Что нужно еще будет сделать? Только установить этого человека и все?

— Да, все. Как вы думаете, за сколько фунтов пойдет эта вещь?

Мистер Сноумэн прикусил зубами свою золотую ручку:

— Видите ли, здесь я пасую. Верхний предел суммы мне известен, но это секрет моего клиента, — он сделал паузу и задумался. — Скажем, если ее отдадут меньше, чем за 100 тысяч фунтов стерлингов, мы будем очень удивлены.

— Понятно, — сказал Бонд. — Теперь, как мне попасть в аукционный зал?

Мистер Сноумэн раскрыл элегантный кейс из крокодиловой кожи, вынул два пригласительных билета и протянул один Бонду:

— Я его приготовил для жены. Ничего, раздобуду в аукционном зале другой. Ваше место — Б5, расположено очень удобно, в центре зала, напротив аукциониста.

Бонд взял приглашение, на котором было написано:

«Сотбис» и К
Проводятся торги
Предметы из собрания изящных драгоценностей,
а также
Единственное в своем роде произведение искусства Фаберже.
Достояние леди.
Билет дает право на вход одному лицу в главный аукционный зал.
Состоятся 20 июня ровно в 9 часов 30 минут вечера.
Вход со стороны улицы Святого Георгия.

— Это не прежний парадный вход в стиле георгианской эпохи со стороны Бонд-стрит, — разъяснил мистер Сноумэн. — У них теперь над бывшим запасным входом сооружен навес, перед дверьми расстелен красный ковер, — все сделано после того, как Бонд-стрит объявили улицей с односторонним движением. А теперь, — поднялся он со стула, — не хотели бы вы ознакомиться с некоторыми произведениями Фаберже? Здесь у нас есть кое-что из того, что мой отец выкупил у Кремля в 1927 году. Вы, по крайней мере, будете иметь представление, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор, хотя, конечно, «Изумрудная сфера» несравненно великолепнее всего того, что я могу показать из работ Фаберже, за исключением императорских пасхальных яиц.

Джеймс Бонд покинул эту сказочную пещеру Аладдина, ослепленный блеском бриллиантов, мерцанием разноцветного золота, сиянием полупрозрачных изделий из эмали и финифти. Выйдя на Риджент-стрит, он направился к Уайт-холлу, где провел остаток дня в однообразных серых учреждениях, планируя и тщательно подготавливая мероприятия по идентификации и фотографированию человека в переполненном зале, у которого еще не было лица и имени, но который несомненно являлся главным советским шпионом в Лондоне.

На следующий день с самого утра Бонд был предельно возбужден. Он нашел предлог для посещения Секции связи и заглянул в небольшое помещение, где мисс Мария Фройденстайн и два ее ассистента работали на шифровальных машинах с применением «Пурпурного кода». Взяв папку с еще не зашифрованными материалами — он имел право доступа к большей части информации в штаб-квартире — Бонд пробежал глазами тщательно продуманные сообщения, которые через час с небольшим будут непрочитанными отложены в сторону каким-нибудь начинающим сотрудником ЦРУ в Вашингтоне и с почтительностью вручены высокопоставленному офицеру КГБ в Москве. Он перекинулся шутливыми замечаниями с обеими девушками-ассистентками, а Мария Фройденстайн лишь едва оторвалась от машины и вежливо улыбнулась ему. По коже Бонда прошли мурашки от такой близости к предательской и глубоко запрятанной под отделанной оборочками белой блузкой черной душе, которой грозила смертельная опасность. Мария была внешне непривлекательной девушкой с бледным, довольно прыщеватым размытым лицом и черными волосами. Таких девушек обычно никто не любит, у них мало друзей, держатся они вызывающе, особенно незаконнорожденные, и таят в себе обиду на весь мир. Возможно, ее единственным удовлетворением в жизни был секрет, который она носила под своей впалой грудью — сознание того, что она выше и умнее всех окружавших ее лиц, что каждый день она изо всех сил мстила обществу, тому обществу, которое презирало, вернее, игнорировало ее. О, однажды они еще пожалеют! То был обычный образчик комплекса неврастенички, месть «гадкого утенка» всему миру.

Бонд отправился по коридору в свой кабинет. Сегодня вечером эта девушка получит состояние, свою плату в тридцать серебряников, увеличенную в тысячу раз. Возможно, деньги изменят ее характер, принесут счастье. Она сможет позволить

себе услуги лучших косметологов, прекрасную одежду, хорошенькую квартиру. Но ведь М. заявил, что намеревается активизировать проведение операции «Пурпурный шифровальный код» и передавать более серьезную дезинформацию. Работа предстоит ювелирная. Один неверный шаг, одна неосторожная ложь, один поддающийся перепроверке обман в сообщении, и КГБ учует запах жареного. Еще один прокол, и они поймут, что их водили за нос, причем позорно, в течение трех лет. На такое унижение последует быстрая ответная реакция. Там сделают вывод, что Мария Фройденштейн была двойным агентом и работала как на русскую, так и на британскую разведки. Ее неизбежно и в кратчайшие сроки ликвидируют, возможно даже с помощью цианистого пистолета-распылителя, о котором Бонд читал совсем недавно. Рассеянно глядя в окно поверх деревьев в Риджент-парке, Джеймс Бонд передернул плечами. Слава Богу, его все это не касается. Судьба девушки была не в его руках. Она была втянута в грязную сеть шпионажа и ей просто посчастливится, если она успеет потратить хотя бы одну десятую часть богатства, которое получит через несколько часов на аукционе.

У здания «Сотбис» на улице Святого Георгия вереница машин. Бонд расплатился с таксистом и присоединился к толпе людей, которые поодиночке просачивались в здание. Показав облаченному в форму швейцару пригласительный билет и получив от него каталог. Бонд, смешавшись с фешенебельной и возбужденной публикой, прошел по широкой лестнице и вдоль галереи в уже заполненный главный аукционный зал. Заняв свое место рядом с мистером Сноумэном, который записывал в лежащий на коленях блокнот какие-то цифры, он огляделся вокруг.

Аукционный зал был высоким и просторным, размером с теннисный корт, оформленный в старинном духе, с двумя большими канделябрами, излучающими приятный рассеянный свет, который контрастировал с яркими лучами, расходившимися вдоль потолка со сводами. Стеклопанная крыша была затенена наполовину задернутой шторой, препятствовавшей проникновению в зал солнца во время проведения дневных торгов. Стены зелено-оливкового цвета были увешаны картинами и гобеленами, а на специально сооруженной платформе, обитой по бокам гигантским полотном со сценой из охотничьей жизни, расположились операторы с телевизионными камерами, в числе которых был и оператор из MI-5 с пропуском для прессы от газеты «Санди Таймс». В зале на небольших золоченых стульях сидело около ста дилеров и зрителей, взгляды которых были направлены на стройную фигуру аукциониста в безукоризненном пиджаке с гвоздикой в петлице, спокойно и без лишних жестов вещавшего с приподнятой деревянной трибуны:

— Пятнадцать тысяч фунтов. Шестнадцать, — пауза, взгляд на кого-то в переднем ряду. — Против вас, — сэр, и в ответ приподнял каталог. — Объявляю семнадцать тысяч фунтов. Восемнадцать. Деятнадцать. Объявляю двадцать тысяч фунтов. — Речь аукциониста продолжала журчать плавно и неторопливо, в то время как внизу среди публики такие же спокойные покупатели с непроницаемыми лицами подавали ему на кафедру сигналы — ответы на предложенные цены.

— Что он продает? — спросил Бонд, открывая каталог.

— Лот 40, - ответил мистер Сноумэн. — Бриллиантовое ожерелье. Видите, помощник держит на черном бархатном подносе. Возможно, оно пойдет за двадцать пять тысяч. Против французской лары выступает итальянец. Иначе ожерелье обошлось бы им всего в двадцать. Я торговался лишь до пятнадцати. Очень хотелось завладеть ими — прекрасные камни. Вот и все, продано.

И верно, цена поднялась до двадцати пяти тысяч и молоточек, который аукционист держал не за ручки, а за головку, мягко опустил, поставив точку в торгах за ожерелье.

— Ваше, сэр, — произнес мистер Питер Вильсон, и клерк по продаже засеменил

между рядами, чтобы идентифицировать покупателя.

— Вы знаете, я разочарован, — сказал Бонд.

Мистер Сноумэн оторвал взгляд от каталога:

— Могу я вас спросить, почему?

— Мне никогда раньше не приходилось бывать на аукционах, и я всегда думал, что аукционист три раза стучит молотком, называя каждый раз сумму, говоря при этом: раз, два, три, продано — чтобы не лишить покупателей последнего шанса.

Мистер Сноумэн рассмеялся:

— Вы до сих пор можете встретиться с таким ведением аукциона в графствах или в Ирландии, но на лондонских аукционах от этого отказались еще до того, как я начал посещать их.

— Жаль. Раньше на торгах было больше драматизма.

— Ничего, через пару минут его будет достаточно и здесь. Сейчас будет последний лот перед началом интересующего нас представления.

Один из помощников аукциониста благоговейно развернул на черном бархатном подносе браслеты со сверкающими рубинами и бриллиантами. Бонд заглянул в каталог и отыскал описание лота 41. В нем вычурным и витиеватым слогом говорилось:

ПАРА ИЗЯЩНЫХ РУБИНОВЫХ И БРИЛЛИАНТОВЫХ БРАСЛЕТОВ,

фронтальная сторона каждого в виде эллиптической грозди, состоящей из одного крупного и двух меньшего размера рубинов, ограниченной по периметру бриллиантами в форме подушечек; боковые и внутренняя стороны выполнены в виде более простых гроздей, чередующихся с бриллиантовым ажурным орнаментом с тонким кружевом завитков, расходящихся от центров с отдельными рубинами между свитыми в цепи рубиновыми и бриллиантовыми лентами, на фоне мельчайших золотых шариков зерни. Застежка-фермуар выполнена в виде эллиптической грозди. В соответствии с семейной традицией данный лот ранее являлся собственностью миссис Фитцхерберт (1756—1837). Факт ее брака с принцем Уэльским (ставшим впоследствии королем Георгом IV) окончательно установлен в 1905 году, когда помещенный на хранение в банке «Куттс» (в 1833 году) опечатанный пакет с монаршего позволения был вскрыт и в нем обнаружены брачное свидетельство и прочие документальные доказательства.

Настоящие браслеты были предположительно переданы миссис Фитцхерберт ее племяннице, которую герцог Орлеанский величал «самой прекрасной девушкой Англии».

Пока на торгах все текло своим чередом. Бонд покинул свое место и пробрался по проходу в конец зала, откуда многие зрители уже вышли в новую галерею и холл, чтобы следить за аукционом по установленным там телевизорам. Он тщательно рассматривал собравшихся людей, выискивая какое-либо знакомое лицо из 200 сотрудников советского посольства. Их фотографии, полученные тайным путем, он изучал в течение всех последних дней. Однако среди разношерстной публики — дилеров, коллекционеров-любителей, богатых искателей приключений — не было решительно никого, кто хотя бы отдаленно напоминал разыскиваемых им людей. Вообще-то знакомые типы попадались, он их знал по скандальной хронике в газетах. Промелькнуло и несколько бледных лиц, которые могли принадлежать русским, но с не меньшим успехом и полдюжине других европейских национальностей. То тут, то там появлялись люди в темных очках, но это ни о чем не говорило. Бонд решил вернуться на свое место. Тот, кого он ищет, должен все-таки обозначить себя во время торгов.

— Объявляю четырнадцать тысяч. Пятнадцать. Пятнадцать тысяч. Молоточек опустился. — Ваши, сэр.

Теперь зал возбужденно зашевелился, зашелестели каталоги. Мистер Сноумэн вытер белым шелковым платком лоб и повернулся к Бонду:

— Сожалею, сэр, но теперь вам придется действовать в основном одному. Я должен внимательно следить за ходом аукциона, да и в любом случае по какой-то неизвестной причине здесь считается плохим тоном поворачиваться назад и высматривать того, кто противостоит вам. Конечно, если вы участвуете в торгах. Так что я смогу выявить интересующее вас лицо, если оно находится где-то перед нами, но это вряд ли. Вам остается следить за глазами Питера Вильсона и попытаться определить, на кого он смотрит или кто смотрит на него. Чтобы вам удалось обнаружить нужного человека, а это может оказаться весьма сложным делом, фиксируйте в зале любое, даже малейшее движение. Чтобы этот некто ни сделал — почесал в затылке, дотронулся до мочки уха, да все, что угодно, — будет являться кодом, обусловленным с Питером Вильсоном. Я полагаю, его условный знак не так очевиден, как простое поднимание каталога. Вы понимаете, о чем я толкую? И не забывайте, что он вообще может не делать никаких движений до тех пор, пока не сочтет, что поднял против меня мою предельную цену. Именно в этот момент он решит выйти из борьбы и подаст об этом знак. Заметьте, — мистер Сноумэн улыбнулся, — когда мы приблизимся к финишу, я так наяду на него, что заставлю проявиться. Это, разумеется, в том случае, если мы останемся единственными соперниками. Но, смею вас заверить, так и будет.

Судя по настроению мистера Сноумэна, Джеймс Бонд уверился, что тот получил распоряжение завладеть «Изумрудной сферой» любой ценой. Шум в зале внезапно стих, когда в зал с соответствующими церемониями внесли высокий пьедестал, задрапированный черным бархатом, и установили напротив кафедры аукциониста. На него поставили внушительных размеров овальный футляр, обшитый белым бархатом, после чего пожилой служащий в серой униформе с красными рукавами и воротничком, подпоясанный черным ремнем, торжественно раскрыл его, вынул лот 42 и, водрузив на черный бархат пьедестала, убрал футляр.

Отполированный изумруд размером с мяч для игры в крикет засверкал в своей изящной оправе сверхестественными ярко-зелеными огоньками, сочетаясь с разноцветным блеском других драгоценных камней на поверхности «Сферы» и небесного меридиана. Публика в восхищении замерла, даже клерки и эксперты, находящиеся за кафедрой и сидящие за высоким конторским столом около аукциониста, издавшие виды и привыкшие к проходящим перед их глазами драгоценностям королевских дворов Европы, даже они подались вперед, чтобы получше рассмотреть сокровище.

Джеймс Бонд опять углубился в каталог. Вот оно, описание лота 42, перегруженная тяжеловесными эпитетами проза:

ЗЕМНАЯ СФЕРА

Изготовлен в 1917 году Карлом Фаберже для русского джентльмена. В настоящее время — достояние его внуки, Лот 42, Фаберже, Земная сфера. Сфера выполнена из обнаруженного в Сибири крупного куса ярко-зеленой изумрудной маточной породы с превосходной прозрачностью. Вес — приблизительно тысяча триста карат. Представляет собой настольные часы в виде земного шара, вставленного в изысканную оправу спиральной формы из четырехцветного золота, усыпанную розовыми бриллиантами и небольшими яркими изумрудами. Вокруг оправы — шесть золотых ангелов-младенцев («путти»), резвящихся в облаках, выполненных из чистого горного хрусталя с изящными прожилками из крошечных розовых

бриллиантов. Земной шар с тщательно выгравированной на нем картой мира, с обозначением крупнейших городов в виде сверкающих бриллиантов, помещенных в золотые гнезда, механически поворачивается на оси, приводимой в движение спрятанным в основании часовым механизмом работы Г. Мозера. Шар окружен фиксированным золотым поясом, покрытым перламутровой матовой эмалью и помещенным в специально предусмотренном для него канальчике с муаровыми узорами. На поясе находятся выполненные бледно-эмалевой сепией римские цифры, которые являются циферблатом часов. Вставленный в Сферу треугольный бирманский рубин цвета голубиной крови и весом в 5 карат служит часовой стрелкой. Высота — 7 1/2 дюйма. Рабочий мастер — Генрих Вигстрем. В недлинном свальном футляре из белого бархата, с сатиновой подкладкой. Двойной замок. Золотой ключик крепится к основанию. Идея создания этой восхитительной Сферы возникла у Фаберже на пятнадцать лет раньше, о чем свидетельствует миниатюрный земной глобус, входящий в королевскую коллекцию в Сандринеме (А. Кеннет Сноумэн, «Искусство Карла Фаберже»), см. иллюстрацию 280.

Окинув быстрым ищущим взглядом зал, мистер Вильсон тихо стукнул молоточком:

— Лот 42 — произведение искусства. Карл Фаберже, — сделал короткую паузу. — Объявляю двадцать тысяч фунтов.

Мистер Сноумэн прошептал Бонду:

— Это означает, что он, вероятно, получил заявку на пятьдесят тысяч, по крайней мере. А объявленная цена — просто, чтобы сдвинуться с места.

В зале поднялся целый лес каталогов.

— Тридцать, сорок, объявляю пятьдесят тысяч фунтов. Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят тысяч фунтов. Девяносто тысяч. — Опять пауза, а затем: — Объявляю сто тысяч фунтов.

В зале раздался гром аплодисментов. Телекамеры направились на молодого человека, одного из трех, находившихся на приподнятой платформе слева от аукциониста, и тихо разговаривающих по телефонам. Мистер Сноумэн прокомментировал:

— Это один из молодых сотрудников «Сотбис». У него прямая связь с Америкой. Я полагаю, сейчас он выступает от имени музея «Метрополитен», но не исключено, что представляет совсем другого клиента. Ну вот и мне пришло время потрудиться, — мистер Сноумэн щелкнул пальцем по свернутому в трубочку каталогу.

— И десять, — объявил аукционист.

Молодой человек переговорил по телефону и кивнул.

— И двадцать.

Вновь щелчок мистера Сноумэна.

— И тридцать.

Было видно, что молодой человек разговаривает по телефону значительно дольше, чем раньше, возможно, дает свою оценку, насколько еще может подняться цена. Он слегка помотал головой аукционисту, Питер Вильсон отвел от него взгляд и посмотрел в зал:

— Объявляю сто тридцать тысяч фунтов, — повторил он спокойно.

Мистер Сноумэн наклонился к Бонду:

— Теперь смотрите внимательно. Американцы, по-видимому, сошли с дистанции. Настало время поднимать меня вашему человеку.

Джеймс Бонд соскользнул со своего места и смешался с группой репортеров, стоявших в углу зала слева от кафедры. Взгляд Питера Вильсона был устремлен на дальний правый угол зала. Бонд не заметил никакого движения, однако аукционист

объявил:

— И сорок тысяч фунтов.

Он посмотрел на мистера Сноумэна. Выдержав продолжительную паузу, мистер Сноумэн поднял пять пальцев. Бонд догадался, что это является частью его плана нагнетания обстановки. Он показывал свою неуверенность, намекая, что подошел к пределу своих возможностей.

— Сто сорок пять тысяч. — Снова пронизательный взгляд в конец зала. И опять никакого движения... Но все-таки какой-то знак был дан.

— Сто пятьдесят тысяч фунтов.

По залу прошел приглушенный шепоток, а кое-где раздались разобщенные аплодисменты. На этот раз реакция мистера Сноумэна была еще замедленнее, и аукционист дважды повторил последнюю заявленную цену. Наконец он прямо обратился к мистеру Сноумэну:

— Против вас, сэр.

Выдержав еще немного, мистер Сноумэн поднял пять пальцев.

— Сто пятьдесят пять тысяч.

Джеймса Бонда прошиб пот. Он абсолютно ничего не заметил, а торги определенно заканчивались. Аукционист повторил последнюю цену. И вот тут произошло незначительное движение в конце зала — коренастый мужчина в темном костюме снял свои очки. У него было гладкое трудноописуемое лицо, оно могло принадлежать управляющему банком, члену страховой ассоциации или доктору. Это движение должно было являться оговоренным с аукционистом условным знаком. До тех пор, пока на мужчине были очки, он давал знать, что поднимает цену на очередные десять тысяч. Сняв очки, обозначил, что вышел из игры. Бонд быстро взглянул на место, где работали телеоператоры. Да, так и есть, фотограф из MI-5 стоял на цыпочках с фотоаппаратом. Вот сработала фотовспышка. Бонд вернулся к себе на место и шепнул Сноумэну:

— Засек его. Свяжусь с вами завтра. Огромное спасибо.

Мистер Сноумэн лишь кивнул в ответ. Его глаза оставались прикованы к аукционисту.

Бонд пробирался по проходу в конец зала, когда аукционист в третий раз повторил:

— Объявляю сто пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов, — и тихо ударил молоточком. — Ваша, сэр.

Бонд успел добраться до намеченного места до того, как публика поднялась и бурно зааплодировала. Раскрытый им «товарищ» был зажат со всех сторон золочеными стульями. Он уже снова надел темные очки, и Бонд сделал то же самое. Когда публика устремилась вниз по лестнице, ему удалось слиться с ней и пристроиться за русским. Волосы у мужчины ниспадали на довольно короткую шею, а мочки ушей плотно прижимались к голове. Он слегка горбился, вероятно, страдал от деформации кости. Бонд лихорадочно прокручивал у себя в мозгу приметы и вдруг его осенило — да это же Петр Малиновский, официально занимающий в посольстве пост атташе по сельскохозяйственным вопросам.

Выйдя на улицу, мужчина быстрым шагом направился в сторону Кондуит-стрит. Джеймс Бонд не спеша сел в такси с уже работающим мотором, но опущенным флажком. Он бросил водителю:

— Это он. Спокойно.

— Хорошо, сэр, — ответил водитель из MI-5, медленно трогаясь с места.

Малиновский поймал такси на Бонд-стрит. Сидеть у него на хвосте при движении в вечернее время было несложно. Когда такси с русским повернуло к северу от парка и поехало по улице Бэйзуотер, Бонд остался доволен. Оставалось выяснить, свернет ли она на частную улицу Кенсингтон Пэлас Гарденз, где в первом

массивном здании слева располагается советское посольство. Если да, то вопросов больше нет. Двое патрульных полицейских, обычная охрана посольства, в предверии этого вечера были специально проинструктированы. Они должны будут подтвердить, вошел ли в здание советского посольства человек из преследуемого такси.

Затем с помощью доказательств, представленных секретной службой, свидетельских показаний Бонда и оператора из MI-5 у форин-оффиса будет иметься достаточно оснований для объявления товарища Петра Малиновского персоной нон грата, а за шпионскую деятельность — и для предложения упаковывать вещи. В разведке, как и в шахматной игре, сражаются беспощадно. На этот раз русские потеряют в ней ферзя. Посещение аукциона оказалось вполне оправданным. Такси, преследуемое Бондом, повернуло в нужном месте и въехало в большие железные ворота. Бонд сурово улыбнулся и подался вперед:

— Спасибо тебе, водитель. В штаб-квартиру, пожалуйста.